

Работа опубликована в сборнике:

Революция, эволюция и диалог культур. Доклады к 100-летию русской революции на Всемирном дне философии в Институте философии РАН 14 и 16 ноября 2017 г. / Отв. ред. А.В. Черняев. М.: Гнозис, 2018. С. 31-46 — ISBN 978-5-94244-061-9

Смирнов Андрей Вадимович – доктор философских наук, академик РАН, директор Института философии РАН. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: asmirnov@iph.ras.ru; web: <http://smirnov.iph.ras.ru>

Классическое евразийство как постреволюционная философия

Поставлен вопрос о логике целостности. Целостность предложено понимать как всесвязность, где никакая часть и никакой элемент невозможны в мысли или бытии без всех остальных. Вариант истолкования целостности как всесубъектности предложено понимать как стержневую логику русской культуры. Данное истолкование философии классического евразийства сопрягается с идеей всечеловеческого, разрабатывавшейся Н.Я.Данилевским в противоположность категории общечеловеческого. Ключевые категории, использованные или введенные в оборот классическим евразийством (соборность, общее дело, демотия, правящий отбор, идеократия, всенародная нация, правда в сопряжении с правом и справедливостью и др.) рассмотрены как выстроенные в логике всесубъектности.

Ключевые слова: классическое евразийство, целостность, всесубъектность, соборность, общее дело, правящий отбор, правда, всенародная нация

A logic of integrity (*tselostnost'*) is put to consideration. Integrity is explained as coherence and connectivity, where no part and no element exists without bringing the others into existence. Interpretation of integrity as pan-subjectivity is proposed as the pivot logic for the Russian culture. This reading of the classic Eurasianism (*evraziystvo*) philosophy is linked to the idea of pan-human (*vsechlovecheskoye*) elaborated by N.Y.Danilevsky in opposition to the category of common-to-humankind (*obshechlovecheskoye*) as a specific European reading of universality. The key notion used or coined by the classic Eurasianism (*sobornost'*, the common deed, *demotiya*, the ruling elite, etc.) are explained in the perspective of the pan-subjectivity integrity logic.

Keywords: classic Eurasianism, integrity (*tselostnost'*), pan-subjectivity, *sobornost'*, the common deed, *demotiya*, the ruling elite

Эта статья — набросок будущего пути, который еще предстоит пройти. Здесь только намечены основные его вехи. Я намеренно не даю никаких цитат: кто знаком с литературой классического евразийства, без труда поймет, о чем речь. Тем, кто с ней не знаком (а таких, к сожалению, неизмеримо больше), отдельные цитаты ничего не дадут, поскольку не заменят знакомства с текстами и системой идей. Чтобы оснастить высказанные ниже мысли достаточным корпусом цитат и ссылок, понадобился бы формат книги.

Что такое «классическое евразийство»? Речь пойдет о «классическом евразийстве» в том смысле, в каком этот термин употребляется в научной литературе. Хронологически это — период с момента зарождения евразийства и до Л.Н.Гумилева. Хотя тот и называл себя «последним евразийцем», на деле он был открывателем совсем другого, нового этапа, по сути своей имеющего лишь поверхностное отношение к классическому евразийству.

Это вполне выясняется при обсуждении отличительных черт классического евразийства. Рассматривая Россию-Евразию как особое образование, сплавившее составившие его народы в нечто единое, но при этом не расплавившее их, классическое евразийство отнюдь не ставило акцента на этничности. Напротив, этот сплав, характер которого нам предстоит уточнить, если и выражался в этническом плане как славяно-тюркский, по сути своей был сплавом культурным — византийско-монгольским. Акцент на культуре, а не этносе, вывод этничности на второй, если не на третий план, в область теоретической тени (почти слепого пятна теории) — характерная черта классического евразийства. У Л.Н.Гумилева же, напротив, этнический момент выходит на первый план. Пусть это и объясняется в значительной мере характером его научной теории, в центре которой стоит этногенез, — сам факт акцента на этничности имеет свои неизбежные последствия, и уж во всяком случае остается фактом.

«Этнический синтез» Л.Н.Гумилева и культурный *сплав* классических евразийцев — совершенно разные вещи. Первое имеет биологический характер и сегодня может быть проверено и удостоверено естественнонаучными методами. Второе носит характер культурно-духовный и должно исследоваться методами гуманитарных наук и философии. Наконец (и это для меня — самое главное), культурный сплав, создавший, согласно классическому евразийству, евразийскую культуру как культуруличность, основан, с начала до конца, на особой логике. Именно это — самое ценное в наследии классического евразийства, то, на что сегодня стоит обратить первостепенное внимание. Разговор о том, что представляет

собой эта логика, которую я буду называть логикой всесубъектной целостности, и составляет преимущественное содержание данной статьи.

Логика всесубъектной целостности предполагает сохранение полноценной субъектности при удержании целостности и погашении несовместимости и антагонизма. Ее поэтому можно называть кратко логикой всесубъектности. Что это такое и как это возможно, мы будем говорить ниже. Сейчас я лишь хочу сказать, что само движение классического евразийства выстраивалось в соответствии с этой логикой: оно жило так, как учило. Н.С.Трубецкой играл, безусловно, основную, стержневую роль. Как и другие, он сформулировал конкретные, частнонаучные идеи в соответствии со своей научной специальностью — языкознанием и филологией. Но только и именно он выдвинул также стержневые философские идеи относительно культуры, которые и задали для классического евразийства импульс выстраивания не только своих теорий, но и самого себя в логике всесубъектной целостности. Я хочу сказать, что учение классического евразийства рефлексивно: то, как здесь рассматривается история и культура, полностью приложимо и к самому классическому евразийству, так что и оно представляет собой, особенно в период своего расцвета (до т.н. кламарского раскола), симфоническую личность. Это была симфония личностей, но также и симфония областей знания, которые они представляли — философии и многих частных наук, гуманитарных и естественных. Об этом еще пойдет речь ниже.

Почему надо говорить о классическом евразийстве сегодня? Потому что классическое евразийство — единственное идейное течение, которое сумело *пережить* революцию. Пережить не в хронологическом, а в логическом смысле. Именно поэтому классическое евразийство, с моей точки зрения, действительно может называться *постреволюционным* движением. На этом стоит остановиться подробнее.

Классическое евразийство оставляет позади то противостояние, которое известно с XIX века как противостояние западничества и славянофильства. Было бы ошибкой думать, будто это противостояние — дело прошлого. Сегодня, в постсоветской России, состояние идейного поля таково, что мы как будто вернулись вспять, в дореволюционное время. Сегодня мы вновь имеем дело с противостоянием, даже непримиримым антагонизмом либерального европеизма-западничества и почвеннического патриотизма. Вопрос о том, как может быть осмыслено и как может быть преодолено это противостояние, сегодня, спустя век после революции, характеризуется ничуть не меньшей остротой, чем сто лет назад.

Опасность, которой чревато такое противостояние, это прежде всего опасность отсутствия понимания самого себя, отсутствия самоопределения и самоотождествления.

Классическое евразийство дает на это простой, и вместе с тем единственно возможный ответ: необходима длительная, спокойная и взвешенная, кропотливая работа по осознанию самого себя. Ответ на вопрос «кто мы?» не может быть дан путем скороспелого отождествления себя с Европой, с Западом, с Востоком или с чем-либо еще. Ответ на этот вопрос возможен только как неспешное выслушивание тех интуиций, которые заявляют о себе «в толще народной жизни», как выражались евразийцы, во всем ходе русской истории. Вывести за скобки все заклинания о каком-либо «выборе» — европейском или ином (теперь у нас их целый набор, включая социалистический), и вместо этого понять, о чем говорит история и культура России, перевести эти интуиции в теоретический дискурс, а затем проверить полученные выводы на материале истории и культуры. Вот путь, который предлагают классические евразийцы, и прежде всего Н.С.Трубецкой.

Этот путь нельзя не признать подлинно философским; и можно утверждать, что именно в трудах евразийцев начинает осознавать себя русская философия в собственном смысле этого слова. Это утверждение покажется многим неожиданным, и уж наверняка — спорным; и тем не менее это так. Философия работает всегда на границе между невысказанным и невысказываемым — и высказанным, обретшим дискурсивную форму, получившим форму теоретического утверждения, которое может быть сообщено другому, проверено, оспорено или принято в общезначимом виде. Это значит, что философия работает там, где пролегает граница между субъективным и интерсубъективным; между интуитивными основаниями логики — и логикой, предъявленной в отчетливой форме, более того, логикой, организовывающей материал и осуществленной в этом материале. Философия как будто переводит первое во второе и этим отличается, с одной стороны, от всякого рода мистики, религии, а также литературы, поэзии и искусства в целом, всегда работающих по ту сторону этой границы, где интуиции только-только вытягиваются в сферу осознаваемого, но еще не теоретического, и, с другой стороны — науки, работающей по сю ее сторону, в сфере исключительно общезначимого теоретического дискурса. Только философия способна переходить эту границу, показывая, как из неосознанного и неосознаваемого рождается теоретически оформленное и общезначимое. Но ведь именно об этом и идет речь:

понять, какие интуиции мировидения и мироосмысления пробиваются, настойчиво заявляют о себе в ходе русской истории, в строении русской культуры, в том словаре, которым она оперирует, в ее вербальном и невербальном поведении. А схватив, выразить их понятийно и категориально. Эта работа начата в трудах классического евразийства, и ниже мы поговорим об этом, кратко рассмотрев центральные категории этого учения. Именно такая организация и именно такое понимание философской работы означает, что философия обретает свою твердую почву, очень прочную и естественную связь с культурой, ее порождающей и питающей. Так она обретает свою устойчивость; тем самым, и только тем самым — свою общезначимость.

Классическое евразийство начинает эту работу, однако с его распадом она прекращается. Все прочие исторически существовавшие изводы евразийства — это идеология, наука, политика, но уже не философия. Необходимо продолжить там, где остановилось классическое евразийство, если русская философия действительно способна выполнить свою основную задачу — внести вклад в вызревание российского самосознания. Это не значит, что с классическим евразийством нельзя спорить: спорить можно и нужно, без этого не может быть движения вперед. Само евразийство выступало всегда против готовых и застывших форм, считая только живое творчество залогом подлинности. И все же спорить, продолжая и развивая, а не отбрасывая, поскольку классическим евразийством найдено главное: модус разговора о логике, задающей ритм и жизнь русской истории и русской культуры.

В наше время уже немало мыслителей и ученых положительно оценили классическое евразийство, подтвердили приверженность его идеям и стремятся их развивать. У классического евразийства были, несомненно, и предшественники. И речь вовсе не о славянофилах; речь о Н.Я.Данилевском и его концепции «всечеловеческого». Именно он совершил принципиальный шаг в том направлении, в котором затем пошло классическое евразийство: шаг от *общечеловеческого* ко *всечеловеческому*. Значение этого шага невозможно понять, не обратившись к логике, стоящей за этими двумя категориями.

Целостность. Ключевым в этом разговоре будет слово «целостность». До сих пор о целостности говорили слишком мало, и «целостность» остается едва ли не обычным словом. «Целостность» не стала еще даже термином, не говоря о том, чтобы занять место ключевой категории, которое по праву должно ей принадлежать. Вместо разговора о целостности говорят о едином и многом, о части

и целом. Это — важнейшие категории, но целостность нельзя свести к ним. Это значит, что целостность можно понять только из нее самой, и уже на ее основе истолковать единое и многое, часть и целое. Эти категории могут быть сведены к целостности, но не наоборот.

Вот рабочее определение «целостности»: целостность — это то, в чем никакая часть и никакой элемент не может быть помыслен и не может осуществиться, не обосновывая и не требуя (т.е. не оправдывая) все прочие.

Из этого вытекает, что целостность может иметься — только целиком. «Целиком» и «целостность» — едва ли не синонимы. Малейший ущерб, нанесенный целостности, становится целостностным. Иногда это ухватывают, говоря об организме, что он болен целиком или здоров целиком, хотя это не соответствует умонастроению европейской медицины, которая берет организм как целое, а не как целостность, редуцируя целостность к целому, и за счет этого может рассекать его — и в теории, и на практике — на части, работая с каждой из них отдельно.

Это — точечный пример. На деле же с целостностью мы встречаемся всегда, мы живем в ней. Хотя точнее было бы сказать, что, сталкиваясь не с целостностью, а с осколками целостности, мы обычно не узнаем в этих осколках саму целостность. Это и не удивительно, потому что целостность нельзя склеить из осколков — она может присутствовать только изначально.

Как таковая она и присутствует, неузнанная; надо научиться ее узнавать. Попробуем разглядеть ее в привычных вещах.

Возьмем родовидовую конструкцию как таковую, без субъектно-носителей предикатов, в ее простейшем и несводимом виде — род и два его вида. Невозможно объяснить, что такое род, не задействуя понятие вида, и наоборот. Объясняя, что такое вид, нельзя не задействовать понятия отрицания, противоположения, объединения. Все эти понятия не расположены «в столбик», как слова в левой колонке словаря, когда бы в правой его колонке помещались ясные определения к каждому слову. Здесь не так: каждое слово и все вместе и есть определение к любому данному, причем так, что все они необходимо задействованы в каждом акте определения, и всегда любое из них «вытягивает» все остальные. Такую целостность нельзя уменьшить, не разрушив ее полностью: при подобном отсечении потеряется главное — все-связность, то есть связанность каждого со всем остальным. И вместе с тем ее невозможно нарастить: любое разрастание родовидовой конструкции будет лишь арифметическим, сугубо

количественным приращением, не меняющим ничего по существу в этой целостности и не дающим ничего нового. Целостность обладает удивительным свойством сжиматься и разжиматься, не изменяясь: она — та же самая в любом из своих состояний.

Такова бессубъектная целостность. Сделаем шаг вперед: пусть у нас появятся субъекты-носители предикатов, которые займут свои места в исходной родовидовой целостности. Мы сможем записать известные три аристотелевских логических закона: A есть A , A не есть не- A , B есть либо A , либо не- A . Отметим следующее. (1) Три закона полностью подготовлены бессубъектной родовидовой целостностью, как мы ее описали. Нам не потребовалось ничего, кроме понятия субъектности, чтобы эти законы, как по волшебству, возникли перед нами. Нам не нужно было ни «дедущировать» их, ни «усматривать» в горнем мире, ни «абстрагировать» от реальности. Понятия целостности достаточно для того, чтобы названные три закона аристотелевской логики обрели свою плоть. (2) Эти три закона, следовательно, столь же целостностны (образуют целостность), как и породившая их бессубъектная целостность. Любой из них предполагает остальные и имеет смысл только и именно в их системе. Меняя что-то одно в них, мы меняем и все остальное. (3) Буквы «А», «Б», использованные в записи этих законов, обозначают любое «нечто». Об этом абстрактном «нечто» все же можно сказать со всей определенностью, что оно представляет собой субъект-предикатную склейку. Не бывает «чистого» субъекта (за исключением чистого «Я»), субъект всегда — субъект-предикатная склеенность. И это совершенно не случайно, поскольку бессубъектная целостность, с которой мы начали, — это целостность предикатного поля. Чистая родовидовая конструкция — это конструкция предикатов; достаточно посмотреть на древо Порфирия, чтобы в этом убедиться. Но начинается она с «субстанции», вовсе не с предиката, а с самой, можно сказать, субъектности, субъектности как таковой. Это значит, что в родовидовой логике субъект и предикат образуют целостность, так что развертывание субъекта («субстанции») возможно только как разворачивание предикатного поля.

Таким образом, в простейших операциях родовидовой логики Аристотеля мы постоянно имеем дело с целостностью, и только и именно целостность обосновывает их необходимость. С целостностью мы имеем дело и тогда, когда используем язык. В термине «холизм» попытались схватить именно то, о чем идет речь — схватить целостность. Но поскольку «холизм» понимался как отнесение скорее к целому, нежели к целостности, и целостность осталась за

скобками этих теорий, то и противостояние «холизм-атомизм» в понимании языка приобрело характер антиномии «целое-часть» или «целое-единичное». Оно неизбежно оказывается парадоксальным: если следовать атомистическим теориям и считать, что значение высказывания ясно из него самого, без обращения ко всем прочим высказываниям языка, то остается проблема с объяснением того, как и почему мы способны строить и понимать высказывания, никогда прежде не слышанные ни нами, ни другими носителями языка — совершенно новые высказывания. Если же значение высказывания зависит от всех прочих высказываний языка, то это никогда не достижимое целое делает невозможным и понимание любого отдельного высказывания. Но если язык (точнее, речь, использующую язык) понимать как целостность, ядро которой — субъект-предикатная склейка, то апорийность названной антиномии снимается вместе с самой антиномией. Целостность нередуцируема, и это объясняет, почему высказывание служит минимальной, несводимой единицей речи. Как в логике, так и в языке субъект-предикатная склейка — ядро целостности, обеспечивающее ее самопонятность. И как в логике, так и в языке эта целостность разворачивается и сворачивается, не переставая быть целостностью. Для языка это показать сложнее, чем для родовидовой логики, ибо язык неизмеримо сложнее, но поскольку нас интересует здесь целостность как таковая, мы оставим это в стороне.

И для рассмотренного варианта логики, и для естественного языка субъект-предикатная склейка представляет собой ядро целостности. Но и в нашем чувственном восприятии мы не можем обойтись без нее. Мы воспринимаем вещи мира, и часто об этом говорят, как будто сам этот факт тривиален. Но это далеко не так: любая вещь — это субъект-предикатная склейка, а значит, целостность. И здесь целостность способна сжиматься и разжиматься, оставаясь самой собой, и только этим можно объяснить тот удивительный факт, что мы считаем меняющуюся вещь той же самой вещью: как могли бы мы это делать, если бы она не была в нашем чувственном восприятии целостностью? В европейской философии изобретены сложные теории, выстроены категориальные системы, чтобы объяснить этот простой с виду факт. Но ведь чувственное восприятие любого из нас никак не зависит от знания этих теорий, о которых подавляющее большинство людей к тому же не имеет никакого представления. И тем не менее никто не испытывает неудобств с восприятием вещей мира: способность схватывать целостность как субъект-предикатную склейку встроена в чувственное восприятие так же, как она встроена в способность к языку и к теоретическому мышлению.

Сделаем теперь еще один шаг — к многосубъектности. Мы способны выстроить не одно высказывание, а много, и тогда они образуют текст, который может быть связным или бессвязным. Мир вокруг нас представлен всегда множественностью вещей. И общество, культура, цивилизация — это всегда множественность действующих лиц. Можно ли сохранить целостность при многосубъектности?

Когда мы имеем дело с единственной субъект-предикатной склейкой, с единственным субъектом, следы целостности всегда сохраняются. Иначе мы не могли бы понять, что значит, например, «нехороший человек» или «некрасивый поступок»: здесь отрицание — не просто уничтожение предиката, но утверждение противоположного, а это было бы невозможно, если бы наше понимание не было настроено на схватывание целостности, в данном случае — в том ее родовидовом варианте, который был описан выше. Вписанность в целостность служит условием осуществленности — как в мысли, так и в мире, поскольку без этого невозможна вещьность, субъектность. Если так, то что это означает применительно к обществу, истории, культуре, которые предполагают множественность субъектов?

Здесь мы подходим, наконец, к ответу на заданный вопрос о соотношении понятий общечеловеческого и всечеловеческого. Понятие общечеловеческого вырабатывается там, где целостность для многосубъектности выстраивается на тех же интуициях, что и для моносубъектности. Это — интуиция общеродового, а значит, и общеобязательного. Многосубъектность приводится к многократно развернутой целостности родовидового, иерархически устроенного типа, где нижестоящие слои включаются в вышестоящие и поглощаются им. Такое понимание неизбежно оказывается репрессивным по отношению к частным устремлениям, будь то частные устремления отдельных граждан в государстве, отдельных государств в системе международного права или отдельных культур земного шара. *Dura lex* — это ведь прежде всего утверждение торжества формально-общего над субъектными частностями, утверждение размежевания законного и справедливого, законного и морального. В европейской культуре такое понимание целостности восторжествовало и было воплощено в системах права, государственном устройстве и общественно-политических теориях. Это ни хорошо, ни плохо, это попросту факт: европейская культура своей эффективностью и жизненной силой доказала свое право и свою правоту в выстраивании собственной целостности по этому образцу, в соответствии с этой интуицией.

Означает ли это, что то же самое верно и для всех остальных и что такое устройство общества и культуры является образцовым и едва ли не единственно возможным? Вот существенный вопрос, на который и Н.Я.Данилевский, и классическое евразийство отвечают однозначно отрицательно: нет, не означает. Культура бывает успешной только тогда, когда выстраивает себя по органичной для нее (т.е. для ее носителей) логике. В данном случае, в той системе терминов, которую мы используем, это означает: культура, общество, наука, вообще все стороны духовной и материальной жизни будут успешны и смогут развиваться только в том случае, если они осуществляют себя в логике целостности, понятной для носителей данной культуры. А *эти логики — разные*, и попытка европейской культуры распространить собственные представления на весь мир, попытка устроить его как филиал Запада — не что иное, как попытка уничтожить собственные логики других культур, подменив их суррогатом той, что органична для европейской культуры. Здесь, и только здесь — основание того резкого неприятия европеизма, который в русской среде принял, как говорили Н.Я.Данилевский и евразийцы, форму европейничанья. Европейничанье — та же манкуртизация, поскольку означает забвение собственных истоков, собственной логики. Беспамятство. Антиевропеизм и Данилевского, и евразийцев классической эпохи носит сугубо оборонительный характер: ни они, ни, кстати говоря, славянофилы не отрицали ни мощи и достижений Европы, ни блага заимствований европейской науки и техники. Речь только о том, что такое заимствование не должно вытаптывать собственную логику заимствующей культуры, подменяя ее суррогатом западной.

Если общечеловеческое репрессивно и неприемлемо, поскольку означает насильственное распространение западного образца, западного шаблона на другие культуры и в перспективе — на весь мир (что совершенно соответствует органичной для Европы логике целостности, так что это стремление — ни в коем случае не злонамеренность, а лишь проявление той природы, без которой нет европейской культуры), то что является альтернативой? Всечеловеческое. Можно сказать, что всечеловеческое понимается как *всесубъектность*, то есть сохранение за каждой культурой права на собственную логику, собственное понимание целостности. Всесубъектность дополняется идеей *соработничества* разнологичных культур, каждая из которых способна на то, на что не способны все прочие. Соработничество, синергичное сложение усилий разнологичных культур в принципе исключает идею расселения цивилизаций по их собственным квартирам,

когда бы они не преступали пределов своей «территории», поскольку иначе их столкновение (якобы) неизбежно. Эта хантингтоновская теория от начала до конца построена на том понимании целостности, которое органично для западной культуры и о котором мы только что говорили как о репрессивном.

Ключевые категории классического евразийства служат ясным выражением логики всесубъектности.

Соборность православия рассматривается в классическом евразийстве как его отличительная черта в сравнении с латинством. Соборность выражается прежде всего в двух моментах: *отсутствие иерархии* епископов (что соответствует изначальному установлению христианства) и отсутствие, как говорили евразийцы, деления на священников и мирян в том смысле, что литургия оказывается *общим делом* всех православных, соработничеством участников богослужения. Это значит, что православие выражает не просто некое особое понимание христианства как церкви и как богослужения, но и воплощает собой особую логику. Эта логика — логика соборности, или логика соработничества, логика всесубъектности: общее дело — это сложение всех дел, а не иерархическое их соподчинение с неизбежным поглощением вышестоящим нижестоящего. Соборность православия поэтому, хотя и представляет собой явление, глубоко укорененное в конкретной религии и конкретной культуре, тем не менее обладает несомненной ценностью общезначимой логики, которая проявляет себя не только в церковной жизни, но и в жизни и устройстве культуры и общества в целом.

Демотия, в отличие от демократии видевшаяся классическому евразийству способом организации политической жизни, представляет собой вариант прямого народовластия. Представительная демократия, выстроенная по известной уже нам логике иерархического поглощения, неизбежно означает забвение интересов многих, если не большинства граждан. В отличие от этого, демотия, в том числе и в варианте советов (свободных от диктатуры компартии), означает учет всех интересов, когда не теряется никакой голос, когда общее дело действительно становится соработничеством.

С демотией сопрягается идея правомочия как центральной категории правовой теории, которая должна преодолеть разрыв субъекта и возможности реального действия, обеспечить всесубъектность в правовой сфере. Деление на объективное и субъективное право, характерное для западной правовой теории, должно быть отброшено, а сама эта теория выстроена на понятии правомочия как реального обладания правом и его осуществления в действии. Понятие правомочия

нацелено на сохранение, удержание субъектности каждого и создание для этого всесубъектной среды (а не среды единого объективного права). К этому примыкает попытка разработать идею правды как неотрывную от права, как обосновывающую оправданность права, отсутствие конфликта права и справедливости: и право, и справедливость органично вырастают из правды как всесубъектной оправданности.

Демотия как прямое народовластие дополняется понятием правящего отбора как, если выражаться принятым сегодня языком, принципа формирования правящей элиты. Правящий отбор, согласно классическому евразийству, формируется из людей, преданных евразийству как теории и учению. Эту идею следует напрямую сопрягать с идеей евразийской многонациональной нации — куда более оправданной и логичной, нежели привычный сегодня перевертыш «многонациональный народ». Понятие многонациональной нации также строится в логике всесубъектности: народы, населяющие Россию-Евразию, хотя и имеют общие черты и обмениваются ими в ходе истории, что обеспечивает и «переключку» неких черт характера, и формирование языкового союза (понятие, выдвинутое как теоретическое Трубецким, принятое мировой филологией и разработанное для России-Евразии Якобсоном), без чего их общежитие было бы затруднительным, если вообще возможным, — тем не менее вовсе не *расплавляются* в некую массу, культурно-гомогенную и этнически-индифферентную (как то предполагается понятием «политическая нация», по типу американской, которое недавно попытались провести и которое встретило глубинное сопротивление в сегодняшней России), а сохраняют каждый свои не просто специфические черты, а именно *уклад*, т.е. целостную логику жизни. Это — *сплав*, о котором я говорил в начале статьи и характер которого пришло время уточнить как сплав всесубъектности. В этом смысле Россия сама представляет собой культуру и государство, устроенное по логике всечеловеческого, а не общечеловеческого — что применительно к нашей стране означает акцент на всероссийском, а не общероссийском. Трудно спорить, что такое устройство веками вырабатывалось в нашей истории, и сегодня оно стихийно, хотя и не всегда удачно, пробивает себе дорогу. Только оно может быть для России решением проблемы внутренней целостности.

Правящий отбор, таким образом, — это группа людей, отбираемых для занятия высших должностей и исповедующих принципы евразийства как всесубъектной целостности. Конечно, у евразийцев остаются размытыми конкретные механизмы такого отбирания, да и негодная ассоциация с

«руководящей и направляющей» не может не возникнуть у всех, у кого есть опыт советской жизни. И тем не менее евразийцы правы в том, что и в демократических странах такой отбор существует, но как бы нелегально: в самом деле, попробуй нарушить молчаливый консенсус западных элит — это обычно не прощается. Не делать вид, будто представительная демократия обеспечивает равенство каждого — это иллюзия; вместо этого попытаться выстроить логику всесубъектности в политической жизни — вот к чему призывают классические евразийцы. Поэтому идеократия, власть правящей идеи для евразийцев — это попытка настоять на своей идеологии, и в ситуации бессилия старых российских элит (в эмиграции), растерянности старой интеллигенции, не способной ни осмыслить произошедшую революцию, ни предложить выход из свершившейся революционной катастрофы, такая попытка не выглядит совсем уж неоправданной.

Идея демотии, правящего отбора и идеократии сопрягаются в учении о симфонической личности. Соборность, т.е. собранность усилий, соработничество и общее дело, целостность всесубъектности — понятия и оттенки, сплавленные (но не расплавленные) понятием симфонической личности. Личность, как подчеркивали классические евразийцы, стоит в центре всех их учений, и симфоническая личность как сообщество, гармонизирующее и удерживающее усилия всех своих членов, а не иерархически соподчиняющее их, оказывается своего рода промежуточным звеном между отдельной личностью и тем, что евразийцы называли «культуролучность». Общество и культура в целом — это сотрудничество, соработничество симфонических личностей как отдельных гармонизированных сообществ. Идея всесубъектности здесь проведена как нельзя более ясно.

Тезис о необходимости сопрягать государственное хозяйство и частноличную инициативу стоит рассматривать в том же ключе: как стремление включить хозяйствующих субъектов в общее дело экономики, выстроить своеобразную симфоническую хозяйственную личность. Классическое евразийство оставило нам интереснейшие разработки категорий «хозяин» и «хозяйство» (в духе нынешнего безоглядного европейничанья замененные на пластмассово-безвкусные «бизнесмен» и «бизнес»).

Наконец, наука. Идея целостности и здесь оказывается ведущей. Евразийцы мечтали о «периодической системе сущего», где удалось бы преодолеть как будто непреодолимые границы отдельных наук (и даже целых их групп, как науки о природе и науки о культуре). Эти идеи были преданы забвению почти

целиком. Между тем идея целостности пробивает дорогу в современном естествознании — достаточно вспомнить понятия экологии, саморазвивающейся системы и т.п.

Подводя итог этому сжатому обзору, следует сказать: сегодня стоит продолжить там, где остановилось классическое евразийство. Как подчеркивали его представители, евразийство — это возвращение к себе, освобождение от тирании мифа «свершившегося выбора» (как я уже говорил, неважно, какого). Это — трудная и неспешная, но совершенно необходимая работа самопонимания. Россия сможет найти свой путь и сохранит себя, если поймет саму себя, уловив логику всесубъектности в ежемгновенном биении пульса своей жизни. Пусть никакой манок очередного «выбора» не прельстит ее. К «выбору», т.е. бездумному копированию, склоняются тогда, когда хотят избежать тяжелой работы самопонимания и самоустройства. Но только такая работа может дать надежный результат.